

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш
Добужинский
Серия «Со старинной полки»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2469695

Аннотация

«...Добужинский – пленник Петербурга. Вряд ли мастер когда-нибудь отойдет, выйдет из петербургского мира, и говорить о Добужинском – это говорить об его Петербурге.

Белыми ночами Достоевского, с их мглой и немочью, страшилищами Гоголя, вереницами теней Гофмана, являлась ему Северная Пальмира...»

Иван Созонтович Лукаш Добужинский

На выставке «Петербург»

Странный, необыкновенный город Петербург. Автор «Преступления и наказания» называл его самым фантастическим на земном шаре, оттеняя какой-то особый прозаизм Петербурга, его миражную будничность, его посюстороннюю жуть. «Умышленный город» – сказал еще Достоевский и выразил гениальным эпитетом некую сущность Петровой столицы, призрачной Северной Пальмиры, с ее сумасшедшей историей, с ее великодержавным лоском и провинциализмом, с ее особняками и промозглыми питейными заведениями – рядом с ее проспектами, чугунонрешетчатыми набережными, рынками, пустынными площадями и захолустными переулками, и вечной слякотью, и гнетущим мраком зимой, и летней пылью, и сумеречными весенними ночами, и неизбежными наводнениями осенью, когда палит пушка Петропавловской крепости, сотрясая стены политических казематов, и ветер петербургский, ни с каким другим не сравнимый, «отовсюду дующий» ветер обдаёт лица прохожих колючей изморозью.

Но не таким только вспоминается мне Петербург, город Раскольников, и злополучного гоголевского Акакия Акаки-

евича, и Аполлона Аполлоновича из романа Андрея Белого: я вижу и тот, другой, «старый Петербург», величественно строгий, но почти ласково выплывающий из туманов прошлого, Петербург братьев Трезини, Растрелли, Тома де Тона, Воронихина, Баженова, Захарова – Петербург, каким Достоевский его не видел, но видел Пушкин, каким представляется он на литографиях начала XIX века и каким полюбили его художники в начале XX... И мерещится еще третий, мой собственный Петербург, до боли памятный, – Петербург неизгладимых детских впечатлений, оттенивших все остальное, Петербург, с которым смешиваются воспоминания о первых печалях и восторгах сердца: о беготне на горке у памятника Петра, о балаганах на Царицыном лугу, о первых рождественских елках, об откидных ступеньках кареты, доставившей меня в первый раз в Большой театр, и обо всем таинственном игрушечном мире детской, прекрасном, как позже не бывает ничто и никогда.

Можно ли примирить между собою эти три столь разных Петербурга: полубред «Записок из подполья», мечту ретроспективистов «Мира искусства» и сон-воспоминание младенческих лет? Примирить так, чтобы не каждый Петербург волновал отдельно, а все вместе, – дополняя друг друга, сливаясь в художественное целое?

Примирение я нахожу в графике Добужинского. Для меня волнующая прелесть этой графики в «петербургскости», одинаково близкой и Достоевскому, и Пушкину, и... Андер-

сену. Положительно не знаю, какая нота звучит у него сильнее. Они созвучны в его искусстве, соединяющем элегичность, навеянную альманахами тридцатых годов и панорамами Санкт-Петербурга, и лукавую романтику, по детским воспоминаниям, и поэзию неизъяснимой городской жути.

В такой оценке Сергея Маковского в его превосходной монографии «Графика М. В. Добужинского», изданной в Берлине («Петрополисом»), – определены все творческие «планы» Добужинского, мастера Петербурга во всей его полноте, от гармонии колоннад до петербургской горькой ромашки, что выбивается весной между булыжниками на казенных дворах.

Добужинский – пленник Петербурга. Вряд ли мастер когда-нибудь отойдет, выйдет из петербургского мира, и говорить о Добужинском – это говорить об его Петербурге.

Белыми ночами Достоевского, с их мглой и немочью, страшилищами Гоголя, вереницами теней Гофмана, являлась ему Северная Пальмира и вдруг убежала от него, сжималась, уходила под стекло, за черту старинной гравюры, и умещалась в милом узоре старинной табакерки, и превращалась в игрушечную панораму с толпой забавных игрушечных фигурок. Такова, кстати сказать, на выставке его «Панорама столицы 1912 года».

Добужинский не сразу открыл свой Петербург. Много он поблуждал по столице с томами Гоголя, Достоевского, Гофмана, со связками старинных эстампов и проспектов, а ино-

гда и с листьями «Сатирикона».

И когда бы мы, думая о Петербурге Добужинского, одновременно думали о Достоевском и Гофмане, – самый образ мастера, торжественный и щемящий, проникновенный и застенчивый, стал бы только отраженным светом, живописно-графической декорацией чужих переживаний и размышлений, чужих страданий и радостей о Петербурге. Но мастер светит своим светом: Гофман и прочее – только «леса», из которых возвысился прекрасный и жуткий Петербург самого Добужинского.

Вы, конечно, помните его «Екатерининский канал» или его «Колонну Александра», эту трепетную и вместе грозную, как будто звенящую линейность, это скрещивание пространств и линейных форм – петербургскую линию Добужинского?

Я ничего не оцениваю, я делюсь моими впечатлениями, и мне кажется, что линия Добужинского – всегда как бы отдельно от плоскости, выходит за ее пределы, сходит с полотна или картона – вибрирует, и вне их, невидимо, в воздухе, вокруг зрителя. В этом тайна изобразительности Добужинского, его магической линии. Страшный «Портрет» Гоголя вспоминаешь перед его работами... Его Петербург тоже «выходит из рамы», окружает вас со всех сторон, следует за вами, как наваждение, – с вами живет.

С. Маковский в той же книге замечает, что в искусстве графики есть некая магическая сокровенность, заклинатель-

ная сущность. График Добужинский, изыскатель книжных эмблем, неутомимый странник по фантастическим, а может быть, и магическим державам знаков и символов, не отыскал ли он среди них и свой Петербург – заклинание?

Его Петербург – магический круг, в который он заключает и нас. Заметьте – мастер никогда не видит Петербурга сверху или со стороны. Ростральная колонна в подтеках серой плесени – но вы не видите ее вершины, а один пьедестал Александровской колонны с ее кадуцеями и воинскими арматурами, и никогда не узнаете, где концы и начала петербургских каналов. Мастер только ведет вас вдоль бесконечного чугунного узора. Есть начало Львиного мостика, а где конец? Конец не на полотне: он – в бесконечности, в вас. Вы сами уже на мосту, а конец его где-то за вами...

Мне кажется, что Добужинский смотрит па Петербург изнутри, и на каждой его петербургской работе есть где-то, я не знаю где, – некая магическая точка, от которой расходится магический круг, и туда входит зритель.

Именно в этом Петербург Добужинского – воистину – магический портрет магического города.

Но населен он игрушечными, а то тяжеловато-гротесковыми человечками или даже карикатурами на людей и подернут белой мглой «достоевщины» и причудливыми тенями Гофмана. Так, может быть, найденный мастером Петербург – призрачное страшилище, которому сгинуть и только?

Нет, и во всех «поволоках», и при всех призраках Петер-

бург Добужинского всегда странно-реален, почти осязательно-вещен. Он всегда в трагическом столкновении с призраками, с обволакивающим его хаосом, но сам он – реальность во всем гармоническом величестве вещных форм.

Вспомните его мучительный «1820 год». Сбылось темное пророчество – «быть ему пусто». Окоченелая смерть. Конец...

И не странно ли, что именно в 1820 годах Петербург оделся последним гранитом, завершил окончательно свой реальный образ, чтобы через столетие стать могилой живых, обнажиться в величественной красоте ирреальности? Точно Петербург отвергся живых насельцев, вымел из-под своих портиков и колоннад полчища призраков – Акакиев Акакиевичей всех мастей, князей Мышкиных во всех степенях сумасшествия, Мармеладовых, Раскольниковых и Аполлонов Аполлоновичей – всех нас, кто бы мы ни были – и остался один на один против пустоты и хаоса.

Всмотритесь же, как в пустоте снегов сопротивляется Петр, стиснутый стужей, и как за исходом этой великой борьбы с пустотой следит красновато-желтый зрачок окаянно-хладной петербургской зари. Боже мой, какой ужасный бег Медного Всадника! Но бег не умолкает и в пустоте.

Или всмотритесь в Исаакий, с черным скелетом рекламной будки в бездне метели: все умерло, нет больше Петербурга – ничто. Но все высится тень Исаакия, и не исчезла в сером хаосе гармоническая линия петербургских домов...

Сергей Маковский в работе о Добужинском отмечает одну странную особенность великого города: молодой Петербург как-то сразу стал старым Петербургом. Дряхлостью веет от него.

Это верно. И верно это потому, что Петербург – город без возраста: ни молодости, ни старости у него нет. У него не было «вчера», а было одно великое «завтра». Так умышлял его Петр: создавая его, он думал об его будущем. Строители Петербурга во все эпохи, всегда, так или иначе, повторяли творческий замысел Петра: они опирались не на «вчера» – его не было, не на «сегодня» – слишком бедным было оно, а на «завтра».

Будущее заложено в первом камне Петербурга. Он всегда устремлен из настоящего, из того, что есть, в то, чего еще нет. Потому, вероятно, он и не знает возрастов: он и «дряхлый» и «юный» вместе – вневременный, вечный.

И все же щемящая печаль, отдаленная скорбность разлита в Петербурге Добужинского... Белая ночь и Настенька, склоненная у канала. Мальчик на костылях на Конногвардейском бульваре в оттепельный день 1920 года, когда отражалось в лужах опустевшее, мертвое небо Петербурга, – мальчик, глядящий на безобразно-зловещую статую Володарского, на каменный мешок с выпростанной черной лапой... Понять ли, какой Петербург открылся детским глазам, узнать ли, что слышала Настенька в безмолвном движении белой ночи?

Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный...

Голоса нашей судьбы – то, что мы не разгадали, не услышали и не поняли в Петербурге, а о чем он всегда предостерегал нас. Вот и сгнули мы все вереницей призраков в прозрачном сумраке его задумчивых ночей.

Петербург отринул нас, отвергся и высится, опустелый от живых, ужасный, вневременный, со своими колоннадами и портиками, город – заклятие, обведенный магическим кругом, и ждет иных, кто его разгадает, поймет и услышит, – сегодня так же устремленный в будущее, как в первый день своего создания...